Репродукция

Война и отечество

1 эк.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Щ23
П489

К.
4Г 23
П 489
Библиотека ИМЭЛ
Инв. 41926-7
Изд. Комитета Помощи Пострадавшим Студентам
1 экз.

А. Пешехонов

Война и отечество.

Пострадавшим Студ. Комитет Помощи
Перепечатано из № 46 "Права"

Киев. 1904 г.
Цѣна 20 к.

J. 41.

ВОЙНА И ОТЕЧЕСТВО.

I.

Девять уже мѣсяцевъ длится война. Чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе и кровопролитнѣе она становится. Сердце содрагается отъ ужаса, когда читаешь объ этихъ потокахъ крови, которыми заливаются доселѣ безвѣстныя и никому не нужныя солки. Всю картину ожесточенной, -то замирающей, то съ новой силой разгорающейся, - войны трудно себѣ представить. Намъ извѣстны лишь кое-какія ея детали и нѣкоторыя изъ нихъ рвутъ сердце. Развѣ можно когда-нибудь забыть хотя бы этотъ разсказъ о раненыхъ, которые въ теченіе недѣли оставались между враждебными позиціями неподобранными. Тщетно они, собирая съ послѣднихъ силъ, поднимались на ноги и знаками умоляли о помощи. Они должны были умереть, истекая кровью и задыхаясь отъ разлагающихся ихъ же товарищей труповъ: ни та, ни другая сторона не рѣшилась выслать къ нимъ санитаровъ. Ожесточеніе воюющихъ доходитъ временами прямо до какого-то озвѣренія. На тѣлѣ одного японца, павшаго на знаменитой сопкѣ съ деревомъ, насчитано, по словамъ корреспондентовъ, больше сорока штыковыхъ ранъ. Въ смертномъ боѣ враги душатъ другъ друга руками, выдавливаютъ одинъ другому глаза, перегрызаютъ другъ другу горло....

И это только часто - можетъ быть, даже не главная часть - тѣхъ ужасовъ, какіе таитъ въ себѣ война. Когда я пишу эти строки, русскіе и японцы стоятъ на соприкасающихся позиціяхъ, готовые каждую минуту ринуться другъ на друга. Полмилліона людей живутъ въ непрестанной тревогѣ, спятъ на голой землѣ, въ лучшихъ случаяхъ въ землянкахъ и въ палаткахъ, въ которыя можно пробраться только ползкомъ, на передовыхъ же позиціяхъ - прямо въ окопахъ. Морозы доходятъ уже до 20-ти градусовъ, дуютъ безпрестанные ветры, происходятъ уже снѣжныя бури. Нерѣдко войска не смѣютъ даже разсѣсть костры, чтобы обсушиться и обогрѣться,

да и вообще уже жечь в этой разоренной стране. Даже знаменитая сопка с деревом стоит теперь без дерева: „солдаты – читаем мы в одной из телеграмм – давно срубили его на дрова". Пища на некоторых позициях подвозится только ночью, вода не редко приходится добывать под выстрелами. Не досыпая, не доедая, дрожа от холода и сырости, эти люди ждут своей смерти. В тех из них, которых пощадила и пощадит вражеская шрапнель, быть может подкрадется тиф и другие болезни. Кто же не знает, что в каждой войне, особенно если она сопряжена с зимней кампанией, от эпидемических болезней умирает гораздо больше людей, чем от неприятеля.

Раненых и больных нужно еще эвакуировать за сотни и тысячи верст, пока для них найдется места в госпиталях. Нужно ли говорить об этих двухколесных арбах, на которых их тащат по взрытым дорогам? Но и этих повозок, единственно-возможных в так некультурной стране, как Манчжурия, раненым приходится ждать по нескольку суток. Нужно ли говорить о скотских вагонах, в которых подстилкой по нас служит помет, который некогда вычистить? Ведь даже „теплушек" – тех же товарных вагонов только с наскоро поставленными печами – после больших сражений не хватает. Нужно ли говорить о баржах, в которых, несмотря на заморозки, все еще „приходится" эвакуировать больных и раненых?

Между тем, ужасны, ведь, не только физические страдания, не только физическая боль. Несравненно, быть может, ужаснее то, что происходит в душе у приговоренных к смерти – хуже того, у приговоренных постепенно видеть и ждать смерть. Заглянуть в эту душу мы не можем. Но, ведь, не напрасно и в русской, и в японской армиях так много заботливых душевных разстройств. В газетах недавно появилось письмо одного пожилого артиллерийского офицера. Отец пишет сыну: убиты такие-то, ранены такие-то, застрелились такие-то. Застрелились... Какие душевные муки должны были переживать эти люди, если

они не смогли дождаться возвращения тех, которых так много
ушло оттуда. И если не произойдет перемирия с Россией.

Дело не в численности людей. На небе и земле достаточно места, не только для тех, кого сейчас в мире живет, может миллионы, которые появятся в течение десятилетий. Подумайте хотя бы о китайском населении Маньчжурии. Рассказы врача-врача, который лечил раненых китайцев. К военно-врачебному отделению прошел раненый китаец просто на просто. Достаточно было стороны недовольного движения, чтобы быть задержанным. Чтобы не попасть под выстрелы, он бросает свою одежду и бежит без оглядки. Дороги к Мукдену были запружены китайскими беженцами. Скот и арбы с ними уже отсутствовали, они на себе несут свои пожитки, своих детей, своих стариков, больных и калек. Когда они опять вернутся на родину, то поля их будут уже застроены и жилища разрушены. Долгие годы пройдут, прежде чем они оправятся, и правнуки их будут вспоминать всё пережитое ими за это время годы ужасы.

Наши нервы притупились или наше нравственное чувство [illegible], я не знаю, но только с китайцев, которым я должен был перевязывать тяжелые, мы мало делали. Сами же японцы мне не видны и выдали не [illegible]. Но зато, при надобности отправляться в Маньчжурию, опять все ужасы войны. Правда, есть люди, которые на "почве не патриотов". Такие например, в Порт-Артуре. Многие они-говорили-с этого я вам [illegible] Может быть по одному человеку из каждой деревни взято в Маньчжурию. Это-говорят-незаметная убыль для народа. Россия-даже не воевала. Война чисто колониальная и имеет частный характер. Но ведь эти толстобрюхие люди не почувствуют, может быть и того, если вся Россия истечет кровью [illegible]

Им нет конца до рыданий, какой раздается в стране, и душу раздирающий душу скрежет, какой происходит в мобилизуемых эшелонах. Отцы прощаются с сознанием, что не имеют они права бросить на произвол судьбы своих семьи, жены цепляются за колеса вагонов, матери кладут детей на рельсы, лишь бы удержать поезд, в котором увозят запасных. Это острое горе скоро сотрется с наших глаз, оно разойдется по деревням и избам, но не исчезнет. Еще долго будут литься слезы. Они будут литься не только, пока длится война, но и много лет после. Еще долго заплаканные глаза будут высматривать без вести пропавших, еще долго будут болеть простреленные кости и вскрываться плохо зажившие раны, еще не скоро вымрут калеки, которых наплодит нам война. И не скоро еще дорастут осиротевшие дети. Да, не скоро еще забудет эта горе-победа.

Девять месяцев уже длится война и с каждым днем эта рубчинка становится все шире и глубже.

II.

Газеты полны сейчас известиями о выносливости, стойкости и беззаветной храбрости русских войск. Тысячи людей безропотно переносят всё выпадающие на их долю лишения, безмолвно идут на верную смерть, не дрогнув проходят под разрывающимися над ними ядрами, не задумываясь ложатся на ощетинившиеся и извергающие огонь вражеские окопы.

„Войска рвутся в бой" — вот не ежедневно читаем мы в телеграммах.

Я не знаю, можно ли в данном случае говорить о храбрости и других военных доблестях. Среди сражающихся, несомненно, очень много храбрых воинов; есть, конечно, и „лодыри", как называет их генерал-лейтенант Рузский в одном из своих приказов. Но было-бы странно, какой-нибудь казенный, двухсотый масс объяснять умными свойствами составляющих его единиц. В самом деле, неужели корпус генерала Шкинкельберга под Вольфсгоф состоял сплошь из трусов? Почему-все эти трусы, когда они дошли до Лодзяна, превратились в героев? Неужели и в дивизии Орлова были только „лодыри"?

В наших представлениях о войне, несомненно, имеется много пережитков старого, очень давнего времени. Для рыцаря или дружинника война была делом-экспромт, любимым занятием: он тосковал о битвах, гордился каждым шрамом, мечтал о том, что его имя будет воспето бардом. И войны тогда были другие: было в чем проявить себя храбрости, удали, молодечеству.

Теперешняя война имеет совсем иной характер. „Пишет М.А. Сталович из Мукдена, — потерялась прелесть „разных удали, величие смелости и твердости". До последней минуты все — под землей, все укрыты, все спрятаны, действуют только снарядом, электричеством, защитностью и коварством.

Библиотека ИМЭЛ
412026.

Property of
Kaiser Permanente
Medical Care Program